

це¹⁸. Но это — средние числа для всех возрастов. Положение многих ленинградцев военного поколения доводило их к тому времени до ухода из жизни. Коэффициент смертности от самоубийств в 1995 г. был наивысшим среди уроженцев как раз 1936—1945 гг.¹⁹ Наверное, многие помнят казавшийся тогда безысходным ужас: задержки зарплаты, ее нищенский уровень, отсутствие решимос-

ти круто изменить профессию, занятие, рискнуть последним ради малой надежды подняться хотя бы на привычную материальную ступень 80-х гг. Это — внутри страны. А вне — кому мы были нужны: в 45—50 лет, без языка, с нашим советским умением работать?

Но время — хороший врач и учитель. И мы, ленинградские дети войны, кое-как приспособились, да и

положение в стране стало чуть лучше. Дотянем как-нибудь. Только бы у детей и внуков не было в жизни после их 40 лет «предкризисного состояния», перестройки, революционных реформ, а было благостное «дальнейшее развитие», памятное нам по названиям руководящих документов КПСС и советского государства времен зрелости — нашей и нашего незабываемого социализма...

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 29—31.

² Помним: Колпинская книга Памяти. СПб., 1995. С. 38—168.

³ Соболев Г. Л. Это горькое слово «блокада» // С.-Петербург. панорама. 1993. № 8. С. 2.

⁴ Поляков Л. Е. Здравоохранение и здоровье населения Ленинграда // Население Ленинграда. М., 1981. С. 38.

⁵ См.: Башкиров П. Н. Учение о физическом развитии человека. М., 1962.

⁶ Население Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 49—56; За строками шифр. СПб., 1995. С. 62.

⁷ За строками шифр... С. 52.

⁸ Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области за 60 лет: Стат. сб. Л., 1977. С. 102—103.

⁹ Ленинград: Ист.-геогр. атлас. М., 1981. С. 68.

¹⁰ Поляков Л. Е. Указ. соч. С. 36; Население Санкт-Петербурга. С. 19; За строками шифр. С. 52.

¹¹ За строками шифр. С. 70.

¹² Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 10-й пятилетке: Стат. сб. Л., 1981. С. 27.

¹³ Аргументы и факты. 1993. № 31.

¹⁴ Поляков Л. Е. Указ. соч. С. 40; Население Санкт-Петербурга. С. 60.

¹⁵ Санкт-Петербург в зеркале статистики. СПб., 1993. С. 109; Социально-экономическое развитие Санкт-Петербурга и Ленинградской области в январе — октябре 1999 г. СПб., 1999. С. 150.

¹⁶ Образование населения России. М., 1995. С. 7—8, 34.

¹⁷ За строками шифр. С. 50; Труд в РСФСР: Стат. сб. М., 1990. С. 10.

¹⁸ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М., 1995. С. 40—41.

¹⁹ Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М., 1996. С. 57.

Библиотека Государственной думы, 1917—1926 г.

О. В. Великодворская

В жизни Библиотеки Государственной думы как самостоятельного книжного собрания прослеживаются четыре периода, по длительности и по характеру своему неодинаковые. Описание этих периодов дается в уникальном документе, составленном в самый трагический для библиотеки период, в июле 1925 г., непосредственным участником всех описываемых событий — бывшим библиотекарем Государственной думы М. А. Рубинштейном. Оглавлен документ «Краткие сведения о Библиотеке Государственной Думы»¹, однако за казенными фразами звучит голос человека, глубоко переживающего за судьбу доверенной ему библиотеки, ставшей для него не просто местом службы.

Первый период, совпадающий с так называемым Думским десятиле-

тием, — эпоха наибольшего развития библиотеки. Она была одним из важных вспомогательных органов Государственной думы. На библиотечную комиссию, избиравшуюся из депутатов Думы с большим научным цензом и близко знакомых с библиотечным делом, было возложено устройство библиотеки, высшее руководство ее организацией и надзор за ее деятельностью. Внутренней библиотечной работой руководил библиотекарь (фактически он являлся заведующим). Для занятия должностей библиотекаря и его помощников был объявлен конкурс с высокими требованиями и было установлено особое испытание. Был разработан план комплектования библиотеки путем четко и грамотно налаженных связей с издательствами государственными и частными, рус-

скими и иностранными. Печатный материал, поступавший в библиотеку, приобретался как за деньги, так и в порядке обмена, принимались дары от учреждений и частных лиц. В результате к концу 1916 г. книжная наличность библиотеки достигла цифры около 130 тысяч единиц хранения.

Вместе с февральскими событиями 1917 г. для библиотеки наступил второй период — период безвременья и безначалия. «Нормальная жизнь Библиотеки пресеклась. Работа была парализована. Личный состав постепенно редел, так что к Октябрьскому перевороту из 20 сотрудников осталось налицо всего три, — да и эти последние являлись на службу лишь урывками. При таких условиях Администрацией Дворца, в целях охраны Библиотечного имущества и управления

Таврический дворец. Фото 1919 г.

Библиотекой, введены были в книгохранилище новые работники, библиотечному делу чуждые, молодые и неопытные. Кратковременное пребывание этого элемента внесло в Библиотеку разруху, над изжитием которой в последующие годы пришлось усиленно поработать. Прежний контингент читателей отсутствовал, новые еще не появились. Пополнение Библиотеки исчерпывалось официальными изданиями, некоторыми периодическими и иностранными парламентскими материалами, поступление коих, так сказать, автоматически продолжалось по установленному до того времени порядку, хотя в значительно сокращенном объеме», — читаем мы в «Кратких сведениях».

В 1917—1918 гг. библиотека подчиняется Главному архивному управлению. Тогда же «книгохранилище обогатилось значительным количеством печатного материала дублетного характера, в размноженном виде, перенесенного из разных отделений бывшей Государственной Думы, как-то: Отделов Законодательного и Финансового, из бывшего Павильона Министров, из кабинета Председателя Думы и др.»².

20 сентября 1918 г. в Таврическом дворце открывается 1-й Рабоче-крестьянский университет имени т. Зиновьева (в 1921 г. будет переименован в Коммунистический). С первых дней в университете формируется собственная учебная библиотека.

Тогда же, в 1918 г., наступает третий период в жизни библиотеки бывшей Государственной думы, отмеченный «прежде всего, привлечением к Библиотеке внимания и забот со сто-

роны правительства, в смысле придания ей положения большей определенности и устойчивости», пишет М. А. Рубинштейн. В 1918 г. вводится должность заведующего библиотекой. Им становится бывший старший помощник библиотекаря Государственной думы А. Э. Конге. Кроме него из бывших сотрудников продолжает работу в библиотеке младший помощник библиотекаря Е. Д. Пахоруков, позднее из Коммунистического университета перейдет М. А. Рубинштейн. С 1918 по 1923 г. в библиотеке работает А. М. Слауцкий (делопроизводитель и переписчик 1-го разряда), заместитель А. Э. Конге; Ф. И. Наукайтис — счетчик-приемщик; К. Н. Хитров — раздатчик материалов.

С 15 декабря 1918 г. постановлением Народного комиссариата по просвещению библиотека бывшей Государственной думы передается Социалистической академии общественных наук в Москве, «с тем, чтобы книги этой библиотеки остались в Петрограде»³. Несмотря на это, неоднократно предпринимаются попытки на основании устных распоряжений и командировочных удостоверений вывезти в Москву большое количество отдельных книг, серий и парламентских изданий, представляющих огромную ценность. От сотрудников библиотеки, и в первую очередь от А. Э. Конге, требуется большое мужество, чтобы сохранить фонд библиотеки.

В 1919 г. по распоряжению Зиновьева для слушателей Рабоче-крестьянского университета открыт читальный зал библиотеки бывшей Государственной думы. Появляется новый

тип читателя — студенческая молодежь Коммунистического университета им. Зиновьева. Тогда же происходит одна из первых передач книг библиотеки Государственной думы Коммунистическому университету.

В 1920 г. библиотека передается в подчинение Петроградскому отделению Главнауки, получает статус самостоятельной и именуется теперь Библиотекой Дворца Урицкого (бывшей Государственной думы). Библиотекой начинают пользоваться лекторы и преподаватели ленинградских учебных заведений, члены Научно-исследовательского института Коммунистического университета, отдельные лица, «работающие в области общественно-политических и экономических знаний». «Сравнительно слабое посещение библиотеки другими категориями лиц объясняется недостаточной осведомленностью населения о самом существовании Библиотеки и еще менее об исключительной ценности ее содержания»⁴, — отмечает в отчете 1924 г. А. Э. Конге. Учащаются экскурсии в библиотеку.

Согласно сведениям, полученным из анкеты 1924 г., библиотека являлась самостоятельным учреждением и содержалась на средства Главнауки. Открыта была для читателей с десяти утра до четырех часов дня все дни, кроме воскресных и праздничных. Фонд составлял около 130 000 единиц хранения и с 1918 г. не пополнялся (плановое комплектование библиотеки так и не было восстановлено). Обслуживание читателей осуществлялось только в читальном зале, книги выдавались всем гражданам, плата за чтение не бралась. В качестве залога у читателей принимались трудовые книжки, а у студентов — билеты или удостоверения. В 1923 г. число посещений составило 3252, было выдано около 5000 томов, выполнялись библиографические запросы, проводились экскурсии.

В 1918—1924 гг. из основного фонда библиотеки изымаются материалы Государственной думы для различных государственных учреждений и организаций, реже во временное хранение, чаще всего безвозвратно. Общее число изъятых книг (русских и иностранных) составляет 707 названий и 2986 томов⁵.

К 1923 г. фонд учебной библиотеки Университета им. Зиновьева, активно пополняемый, увеличился настолько, что своих помещений ей уже стало недостаточно для нормальной

работы. Руководство университета обратилось в Главнауку с ходатайством о предоставлении помещений библиотеки бывшей Государственной думы. Обосновывалось это тем, что библиотека бывшей Государственной думы, являясь самостоятельной, малоиспользована, и поэтому университет предлагал передать ее или в его распоряжение, или одному из учреждений общегосударственного масштаба, например Публичной библиотеке. После длительной переписки 26 июня 1924 г. на Особом совещании при Петроградском отделении Управления научных учреждений впервые активно обсуждался вопрос о подчинении библиотеки бывшей Государственной думы Государственной Публичной библиотеке (ГПБ).

сии⁶. В своем решении совещание оговаривало, что библиотека бывшей Государственной думы войдет в состав Публичной библиотеки, оставаясь территориально обособленной от нее.

Одним из первых распоряжений Публичной библиотеки новому подчиненному филиалу предписывалось приступить к проверке наличности книгохранилища. «Работа эта, порученная сотрудникам Думской библиотеки и выполненная на 2/3 общего задания, была приостановлена 31 июля 1925 г. приказом о перевозке в срочном порядке всей Библиотеки в Государственную Публичную Библиотеку»⁷.

Работы по перевозке фондов обошлись приблизительно в 1200 рублей, причем средства руководство ГПБ

Государственной думы поступило: для Русского отделения и читального зала — 8465 и 21 555 томов, для II отделения — 655 и 3415 томов, периодики для Русского отделения и читального зала 471 название в 4578 томах и для II отделения 291 название в 3747 томах; рукописей и автографов 2 экземпляра⁸. С 1 октября 1926 г. по 30 сентября 1927 г. для Русского отделения и читального зала поступило печатных книг, брошюр и листовок 3090 названий в 6774 томах, для II отделения — 263 названия в 742 томах⁹.

Не востребованные Публичной библиотекой издания (не исключено, что вмешался Коммунистический университет) остались в Таврическом дворце и вошли в состав фондов библиотеки университета. Дублетные экземпляры, не представлявшие ценности для Публичной библиотеки, а также парламентские отчеты Франции, Германии, Англии были переданы Институту красной профессуры; материалы архива Государственной думы, поступившие в ГПБ вместе с библиотекой, — Центрархиву; комплект стенографических отчетов — Коммунистическому университету национальных меньшинств; в 1925 г. часть книг библиотеки Государственной думы была срочно отправлена в Москву для создаваемой библиотеки ЦИК СССР и т.д.

«Изложенными в последних строках событиями завершается четвертый ликвидационный период бывшей Думской Библиотеки, в качестве самостоятельного книгохранилища, уже не существующей», — такими словами завершает свой отчет для ГПБ библиотекарь бывшей Государственной думы М. А. Рубинштейн. Однако библиотека Государственной думы как книжное собрание не погибла, не растворилась в книжных фондах других библиотек, как многие другие библиотеки организаций и учебных заведений. Войдя в состав библиотеки Коммунистического университета, превратившись из парламентской в учебную, она и сегодня составляет основу книжного собрания библиотеки, расположенной в Таврическом дворце.

Читальный зал библиотеки. Фото 1953 г.

В конце 1924 г. состоялся переход библиотеки в непосредственное подчинение ГПБ в качестве одного из филиалов. Этим, по мнению совещания, обеспечивалось единство в организации всех государственных библиотек в Петрограде, уничтожался параллелизм в развитии отдельных собраний и несоответствие в методах обслуживания научных кругов Рос-

предполагало получить с Коммунистического университета, однако тот ассигновал лишь около 400 рублей.

Таким образом, фундаментальные собрания ГПБ были пополнены недостающими изданиями из числа представленных в Библиотеке Дворца Урицкого. В отчетах ГПБ указывается, что с 1 октября 1925 г. по 30 сентября 1926 г. из библиотеки бывшей

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 97. Оп. 1. Д. 388. Л. 1, 2.

² Там же. Д. 388. Л. 1.

³ Там же. Д. 59. Л. 1.

⁴ Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 713. Л. 122.

⁵ ЦГАЛИ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 139. Л. 27.

⁷ ЦГАЛИ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 412. Л. 89.

⁹ Там же. Л. 83.